

УДК 070

СОЦИАЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКАЯ И НРАВСТВЕННО-ВОЛЕВАЯ ТИПОЛОГИЯ ЧЕЛОВЕКА В ПУБЛИЦИСТИКЕ П.Н. ТКАЧЕВА

В. Ю. Меринов
Д. В. Световой

Белгородский государственный национальный исследовательский университет

E-mail: merinov@bsu.edu.ru

В статье проводится исследование социально-исторической и нравственно-волевой типологии человека в творчестве Петра Никитича Ткачева, народника, видного деятеля революционного движения второй половины XIX века.

Ключевые слова: Ткачев, публицистика, политика, типология.

Данная статья продолжает наше исследование социально-исторических типов человека в творчестве яркого отечественного публициста и революционера П.Н. Ткачева (см. 1;2;3). В публицистических сочинениях П.Н. Ткачева в рамках общей антропологической диады: «дикарь» (иррационально мыслящий), – цивилизованный (рационально, критически мыслящий) человек, выстраиваются ряды единого структурного (содержательного) типа, представителей (людей), отношений, явлений Прошлого и Будущего. Представители Прошлого и Будущего разнесены в аксиологическом пространстве на противоположные полюса (абсолютное Зло и абсолютное Добро) и имеют четкую социально-историческую маркировку.

Мы выявили начало этого типологического ряда в следующих социально-исторических типах: первобытный человек и человек религиозный (его подтипы: церковник и простой верующий) – человек цивилизованный; философ-идеалист (его подвид – теософ) – «здравомыслящий человек» (или человек науки); писатель-метафизик – писатель-«реалист»; Поэзии (поэту), – противостоит Наука (Ученый).

Еще одна пара социально-исторических типов – «моралист-мистик» – «утилитарист». Эта пара наиболее рельефно представлена в серии статей П.Н. Ткачева под общим названием «Утилитарный принцип нравственной философии».

Поле битвы «моралиста-мистика» и «утилитариста» – «нравственная философия». Мистики, а также *«интуитисты ... метафизики, теологи и т. п.»* выстраивают нравственную систему «интуитивного» типа. Нравственность в данной системе вытекает из чего-то непостижимого и непознаваемого, как бы извне вложена в человека и это отличает его от животного. Мистик, по мнению П.Н. Ткачева, убежден, что его отвлеченные идеи находятся не в нем самом, а вне его, «... что они являются как бы снимками, отпечатками некоторых реально существующих объектов» (9, 490). Подобную трактовку нравственности П.Н. Ткачев называет «заблуждением человеческого ума». Моралисты-мистики, как считает П.Н. Ткачев, «... обратили свои субъективные обобщения нравственного и безнравственного в объективные реальности, существующие вне человека и несколько не зависящие от его субъективного настроения, от степени его индивидуального развития, от его внутреннего «я» (9, 490).

Таким образом, считает П.Н. Ткачев, именно из субъективных представлений моралистов-мистиков и интуитистов о добре, зле, добродетели, пороке и т.п. и «... возникли объективные предметы, объективное добро, объективная добродетель, объективный порок и т. п. Раз было признано существование объективной добродетели, объективной справедливости и т. п., вечный и неизменный критерий нравственного и безнравственного был найден, а вместе с тем обязательность предписаний нашего нравственного чувства, предписаний всякого данного нравственного кодекса была вполне оправдана и доказана. (9, 493). Однако, как полагает П.Н. Ткачев, подобная система взглядов, не имеет ничего общего с объективной реальностью, всё это лишь «Личный

произвол, субъективный каприз в оценке нравственности поступков и мотивов человеческой деятельности» ставший некой объективной меркой, общеобязательной «...для всех поступков, для всех людей и времен и нисколько не зависящая от тех или других индивидуальных взглядов, от той или другой общественной среды, от тех или других условий общежития» (9, 494).

Эта методологическая субъективность и произвол ведет к путанице и хаосу в знаниях о человеке. Моралисты-мистики, представители «метафизической школы», опираясь на один и тот же якобы достоверный «психологический анализ», могут доказывать совершенно противоположные вещи. Один «... моралист-мистик убедит вас в реальном существовании «внутри человека» каких-то неразложимых, необъяснимых и прирожденных сил вроде «внутреннего морального чувства», «добраго и злого начала» (9, 495). Другой, моралист опираясь на тот же психологический анализ, «... докажет вам, что ни о каких подобных силах и помина быть не может и что человеческая душа есть не более как *tabula rasa*, на которой можно отпечатлеть по желанию какие угодно рисунки и фигуры» (9, 495).

Сегодня с помощью субъективной системы «... один философ сотрет в порошок теорию «свободной воли» и докажет вам с очевидностью дважды два — четыре механическую произвольность и машинообразность человеческой деятельности». Завтра другой философ, ссылаясь на ту же психологию, «... с такой же очевидностью станет убеждать вас в несомненном существовании свободной воли и свободного «самоопределения». Кто не знает, что все метафизические школы, несмотря на крайнее разнообразие и нередко противоречивость своих учений, всегда и неизменно искали и находили орудия для подтверждения и доказательства своих теорий в неистощимых арсеналах психологии?» (9, 497).

Но по мере того, как человек крепнул и обогащался знаниями, в его душу невольно закралось сомнение «... в подлинности реального существования и нравственных фетишей. Он стал присматриваться к фактам, сравнивать, соображать и в конце концов не мог не разочароваться в иллюзиях своих моралистов-мистиков. ... Почему то, что вчера считалось пороком, сегодня стало добродетелью, и наоборот? Почему то, что считается справедливым под одной широтой, считается верхом несправедливости под другой? Почему одни и те же мотивы, одни и те же поступки признаются в одно время, в одной среде, при одних условиях нравственными, в другое время, в другой среде, при других условиях — безнравственными? Почему, одним словом, «что город, то норв»?

Раз в человеческом уме возникают подобные вопросы, в нем роковым образом пробуждается потребность отнестись критически к мистической морали и к созданным ею фетишам. Неизбежным результатом этого критического отношения является новый ряд вопросов: что такое добродетель? нравственный долг? справедливость? и т. п. (9, 471).

Для П.Н.Ткачева абсолютно понятно, что с точки зрения чисто научных интересов эта мистически интуитивная мораль не может иметь никакого научного значения, не может пролить «никакого света на образование и развитие так называемой совести», что она лежит за пределами науки. Противостоит метафизической философии нравственности философия «утилитарной нравственности». Эта система опирается на опытное научное исследование человеческой природы, общественной организации и общественного развития. «Материал, над которым она оперирует, принадлежит всецело к области явлений, постигаемых человеческим умом, а следовательно, вполне подлежащих ведению науки. Доказывать в этом отношении преимущества утилитарных систем нравственности перед всякими другими, т. е. преимущества научного, на опыте основанного объяснения нравственного чувства перед объяснением метафизическим и мистическим, настолько же бесполезно, насколько бесполезно доказывать преимущество знания перед незнанием, науки перед вымыслом» (9, 498).

Еще одно звено, продолжающее типологическую цепь: первобытный человек – метафизик – церковник – философ-идеалист – беллетрист – поэт – мистик-моралист – это эстетик-мистик. Эстетик-мистик – по своей основной профессии – литературный критик, он же усердный защитник «вечности искусства». Этот тип очень близок типу «мистика-моралиста». Общей основой мировоззрения этих типов является – вневременное, внереалистическое понимание человеческой морали. Подобно моралистам-мистикам, эстетики-мистики, обобщив некоторые впечатления, производимые на них теми или другими произведениями искусства, возводят свои обобщения в незыблемый и вечный (в их глазах, конечно) принцип красоты, а затем объективируют этот принцип, делают из него фетиш, «... бога эстетики – безапелляционного судью и законодателя в области художественного творчества».

Само собою понятно, что эти нравственные и эстетические фетиши, созданные человеческой фантазией с нарочитой целью освятить, оправдать и, так сказать, санкционировать все то, что в данном обществе, в данной среде, при данных исторических условиях общежития считается добродетельным и порочным, нравственным и безнравственным, красивым и некрасивым и т. п., – что эти фетиши могли существовать (т. е., выражаясь точнее, люди могли верить в их существование) и удовлетворять своему назначению лишь при крайне низком уровне развития человеческого ума» (9, 499).

По мнению П.Н. Ткачева, представителю данного социально-исторического типа ситуация, в которой поэзия ставится ниже науки, «... кажется слишком оскорбительной и унижительной для их богини поэзии. Они утверждают, что ум художника отличается от ума мыслителя совершенно другими особенностями – особенностями, ставящими его если не выше, то, во всяком случае, несколько не ниже последнего» (4, 542).

Нравственно-волевая типология (в рамках антропологической диады «дикарь» – цивилизованный человек) дополняет и придает эмоциональную глубину социально-исторической типологии. В основу этой типологии положены эмоциональные, социальные, политические, возрастные и даже образовательные параметры.

В творчестве П.Н. Ткачева – Прошлое – это мир трусливых, слабых, пожилых (духом и возрастных телом), образованных, рефлексирующих, болтающих людей. Каков эмоциональный фон развития этого типа «дикаря»? Это фон, в котором многократно превышен уровень страха. Страх порождает эмоционально-волевой тип человека испуганного, или тип «забитых людей», неспособных к решительному действию, к освобождению, наконец, не проявляющих волю к интеллектуальной смелости. Человек напуганный, всего и всех боящийся, повсюду усматривающий козни злых духов, глубоко верующий в загробные мучения и в то же время искренне убежденный в своей греховности. Такой человек, как полагает Ткачев, «... не особенно страшен даже и в раздраженном состоянии. Обладая некоторым тактом и умением, с ним всегда можно совладать и всегда легко направить в какую угодно сторону» (6, 122).

П.Н. Ткачев задается вопросом, каково нравственно-психологическое состояние современного ему общества, и сам дает исчерпывающий и яркий ответ – ужасающее. Причина этого положения – вечный страх «коленипреклоненных» жителей России перед своими властителями. «Верноподданные, – пишет П.Н. Ткачев, – как во время, так и после крепостного права, остаются по-прежнему полными, безгласными холопами-рабами "царя-батюшки" и его слуг и клеветов» (8). Эти силы, по мнению П.Н. Ткачева, «... по-прежнему остаются полными, неограниченными хозяевами и распорядителями имущества, чести, свободы, жизни и всех вообще человеческих прав верноподданного». А что же сами верноподданные? Верноподданные всех чинов и сословий (от интеллигентов до буржуазии), сознавая, или не всегда сознавая, «... свое рабское, бесправное, зависимое положение перед "предержащей, самодержавною властью", ... постоянно живут, или лучше сказать, прозябают, под всеограшительным гнетом того же вечного, инстинктивного, животного страха,

под гнетом которого, во времена крепостного права, прожили дворовые холопы самодержавных помещиков» (8).

И этот-то страх, по мнению П.Н. Ткачева и заставляет так же, «...как он заставлял и дворовых холопов, лизать руки и ноги их самодержавного барина; воскурять ему фимиамы и воссылать ему слезные благодарности за все то унижение, за все те муки и страдания, которым ему благоугодно подвергать их. Этот-то страх ... искажил и продолжает искажать их нравственную, человеческую природу, в какой он искажил и извратил природу дворового холопа» (8). Страх вытравливает из его носителя «... из его ума самые элементарные понятия о правде и справедливости, из их сердца – самые элементарные чувства: человеческого достоинства, чести и самоуважения» (8).

Он делает их «совершенно неспособными ... ни к борьбе, ни даже к пассивному протесту; он вытравляет он лишает их образа и подобия человеческого; он превращает их в бессмысленных скотов, с ослиным терпением несущих положенное на них ярмо; мало того, он атрофирует у них даже такие чувства, которые присущи и последнему скоту: собака, кошка защищают своих детенышей от своего владыки – человека; верноподданные же в угоду своего владыки-царя, откармливают его палачей мозгом и кровью своих собственных сыновей, дочерей, сестер и жен!» (8). Извращая и искажая нравственную природу человека, страх этот является в то же время «...одною из самых могучих и непоколебимых опор самодержавной власти полицейско-буржуазного государства» (8).

"Материальные условия жизни", пишет Ткачев, лишают этих "забитых людей" "всякой самозащиты", всякой даже "попытки на протест", требуя от них "под угрозой голодной смерти" "безусловного смирения, терпения и всепрощения", т. е. тех "добродетелей", в которых Достоевский усматривает "искру Божию". С точки зрения "общественной пользы", "общественного прогресса" эти "добродетели", продолжает Ткачев, примиряют "забитых людей" с их забитым положением, они, так сказать, укрепляют, консолидируют и увековечивают те ненормальные условия, которые порождают, с одной стороны, Карамазовых, Самсоновых, Смердяковых, Хохлаковых, Грушенок и т. п., а с другой -- Снегиревых и Максимовых. Иными словами, они укрепляют и консолидируют порядок вещей, опирающийся на принципах, лежащих в основе крепостного права... они санкционируют и увековечивают моральное и умственное рабство и "унижение" человека", они "еще глубже и герметичнее закупоривают его в той беспросветной темнице человеческих "унижений и оскорблений", в которую запрятала "забитого человека" "...судьба" (5, 328-333).

Тип забитых людей – не только тип общераспространенный, он в то же время и тип в высшей степени живучий. «В наше время, – утверждает Ткачев – он настолько же современен, насколько был современен и двадцать, тридцать, пятьдесят, а может быть, и сто и тысячу лет тому назад. Типы различных общественных групп, вызванные и порожденные более или менее специальными жизненными условиями, в которых группы эти находились в различные исторические эпохи, – с переменною этих условий, – исчезали, изнашивались, утрачивали весь свой прежний жизненный интерес. [...] Но тип забитого, униженного, искалеченного жизнью человека -- вечно стоит перед нами, как живой» (5, 334).

В статье «Новые типы «забитых людей», П.Н. Ткачев подробно говорит о разновидностях этого типа. Так один из подвидов "забитых людей" – подтип культурного забитого человека. В этой категории, как пишет автор, «... преобладают смиренномудрие, самоуничижение, кротость, незлобие, бескорыстная самоотверженная любовь и др. тому подобные качества, -- качества, отражающие в себе, по мнению Достоевского, "искру Божию"» (5, 319). "Забитых люди" принадлежат не к одной только культурной среде -- их можно встретить во всех слоях и классах общества, как среди людей образованных, так и среди безграмотных невежд, как среди бедняков, так и среди людей, материально обеспеченных, как среди эксплуататоров человеческого

труда, так и среди эксплуатируемых. Здесь, – продолжает Ткачев, – можно найти «забитых людей», в которых преобладают качества противоположного характера: «... гордость, себялюбие, необузданный эгоизм, чувственные, животные инстинкты, грубые плотские похоти и вожделения» (5, 325).

Представитель и защитник Прошлого – человек с атрофированной волей человек, человек в возрасте, обладающий определенной суммой знаний, эгоист. Это человек, условно говоря, получивший аттестат «зрелости». Обращаясь к этому типу, П.Н. Ткачев иронизирует над его образовательными потугами: «Горизонты твоей мысли раздвинулись, ты знал наизусть грамматику Кюнера, ты переводил <...> Саллюстия, Тацита, Овидия, Цицерона, ты помнил все неправильные греческие глаголы, ты читал «Русский вестник» и «Русскую старину», ты постиг мудрость Страхова, изучил психологию Кавелина, был весьма хорошо знаком с философией Соловьева ...» (7, 82). Однако с человеком, набравшим слишком большое количество знаний, по мнению П.Н. Ткачева, происходит эмоционально-нравственная трансформация. Этот человек, вольно или невольно, чрезмерно погружен в себя, оставляя общество наедине со своими проблемами. Он: «... научился уже обдумывать и соображать каждый свой шаг, взвешивать каждое свое слово, каждое свое действие, резонировать по поводу каждого своего чувствованьица» (7, 82).

Этот человек, делает вывод П.Н. Ткачев, «не только зрел, но и перезрел». Как бы обращаясь к нему, П.Н. Ткачев упрекает его в волевой атрофии: «Вместе со зрелостью тебя обуюла какая-то боязливая нерешительность. Ты не мог сделать самого плевого дела без того, чтобы предварительно вдосталь не намучить себя всяческими сомнениями и недоумениями: да что из этого выйдет? да не осмеют ли? да как бы не влопаться? да и стоит ли игра свеч? и т. д. и т. д. Все стало для тебя вопросом, все казалось тебе загадкой, и ты сказал себе: «Пока я не разрешу мучающих меня загадок, пока я не найду ответа на осаждающие меня вопросы, не стану я никуда соваться; буду думать... думать... и жить, как все живут <...> Ты все думаешь, думаешь, читаешь, перечитываешь, анализируешь, обобщаешь и... живешь, как все живут, а может быть, даже и хуже. Куда делась твоя прежняя предприимчивость, твоя «незрелая» отвага на дерзкие поступки? Праведный боже, получив аттестат зрелости, ты стал «тише воды, ниже травы». А ведь ты поумнел. Отчего же это случился с тобой такой казус? Неужели только оттого, что ты поумнел?

... И так как ты имеешь теперь аттестат зрелости, то тебе будет очень нетрудно понять эту, по-видимому, весьма странную штуку <...> чем больше ты рос и умнел, тем все реже и реже отваживался на все, что считалось дерзким и необдуманым. Мало того, самая сфера дерзкого и необдуманного постоянно расширялась в твоём представлении: с каждым годом твоего умственного роста ты включал в нее все новые и новые серии поступков и предприятий» (7, 81-82).

Мир Будущего – абсолютно другой. Это мир отважных, сильных, волевых, деятельных, молодых людей – альтруистов. Это мир высокой нравственности и эмоционального накала. Здесь также важны возрастные параметры. Приблизить Будущее и осваивать его должен человек молодой. Он дерзок и решителен. Его мозг и волевую сферу не отягощают лишние знания, мысли и сомнения. Тот же человек, что в зрелости стал «мудрым и трусливым», когда он «юн и неопытен» был совершенно другим. В его голове сидело очень мало «идей», он был «... настолько еще невежествен, что за русскими журналами не следил и книг вообще читать не любил <...>, в эти золотые годы «умственной незрелости», ему «ничего не стоило решиться на самые дерзкие поступки, на самые необдуманные предприятия» (7, 81).

Этот человек или еще молодой по возрасту, или чудом сохранивший в себе этот трепет молодости составляет основу типа – революционера, борца, готового пожертвовать собой, страдать, ради утверждения высоких идеалов революции. Однако «страдание» и борьба не должны быть пустыми – интеллектуальными (нравственными) забавами. Они должны наполниться конкретным практическим содержанием.

Именно революционер должен выступить этим Ланцелотом, рыцарем, убивающим дракона Страха. Причем не в фигуральном смысле, а вполне конкретном – взяв в руки оружие и убив человека Прошлого – носителя Страха: «... *Страх может исчезнуть лишь с устранением этих, порождающих его условий*» (8). Поэтому, только безжалостный террор против представителей власти, считает П.Н. Ткачев, может вселить ужас в класс эксплуататоров, а также придать подданным смелости и твердости в революционной борьбе.

«Скорая и справедливая расправа с носителями самодержавной власти и их клеветами – пишет П.Н. Ткачев в статье «Терроризм как единственное средство нравственного и общественного возрождения России», – производит на эту власть, как доказали события последнего времени, именно то действие, которое, с точки зрения истинных интересов верноподданных, должно быть для последних наиболее желательным» (8). Революционный терроризм, по мнению П.Н. Ткачева, «... дезорганизуя, ослабляя и запугивая правительственную власть (или, что все равно, носителей этой власти), тем самым содействует высвобождению верноподданных из под гнета оболванивающего и оскотинивающего их страха, т.е. содействует их нравственному возрождению, пробуждению в них, забитых страхом, человеческих чувств; возвращению образа и подобия человеческого... Революционный терроризм является, таким образом, ... является единственным действительным средством нравственно переродить холопа-верноподданного в человека-гражданина» (8).

Конечно, в рассуждениях П.Н. Ткачева заметны определенные противоречия. Так, с одной стороны, мир Будущего (мир Революции) – объединяет думающих людей, интеллектуалов, способных совершать рациональные мыслительные операции, обдумывать прошлое, настоящее и будущее, выстраивать исторические и политические модели действительности, это мир рациональной мысли. С другой, это мир молодых, дерзких и решительных, и мало задумывающихся людей.

В завершении хотелось бы сказать, что в публицистике Ткачева, в рамках антропологической диады «дикарь» – цивилизованный человек выстраивается целая вереница персонажей, чья деятельность трактуется как политическая. Социально-политическая типология – важная составляющая общей типологической конструкции, выстроенной в сочинениях Ткачева. Тип политического человека отражает картину современной политической жизни России, какой она видится П.Н. Ткачеву. И здесь, как и в других, представленных нами, типологических парах, расстановка персонажей подчинена тому же ведущему принципу – принципу бескомпромиссного противостояния. С одной стороны – правящие классы – царские приспешники и народ, задавленный страхом, – все они вольные или невольные союзники самодержавия. Верхи создают общество насилия и безжалостной эксплуатации. Современная ситуация, понимается Ткачевым как динамическая, неустойчивая. Одна из тенденций нарастание в обществе капиталистических отношений. Они определяются как хищнические, несправедливые. Все современное устройство общества подталкивает человека к тому, чтобы тот искал свою «выгоду» и ему «... *ничего другого не остается, как теснить и грабить своего ближнего, если он сам не хочет быть ограбленным и разоренным. A la guerre – comme a la guerre!*» (6, 121).

С другой стороны, обществу насилия и капиталистической наживы, противостоят передовые представители класса русской интеллигенции – революционеры, альтруисты, рыцари без страха и упрека.

Список литературы

1. Меринов В.Ю. Периодизация творчества, тематико-идеологические и жанровые особенности публицистики П.Н. Ткачева // Научные ведомости БелГУ. Серия Гуманитарные науки. №13 (184)

2. Меринов В.Ю. Социально-историческая типология человека в публицистике П.Н. Ткачева // Научные ведомости БелГУ. Серия Гуманитарные науки. №20 (191)
3. Меринов В.Ю. Социально-исторические типы человека в публицистике П.Н. Ткачева // Научные ведомости БелГУ. Серия Гуманитарные науки. №26 (197)
4. Ткачев П.Н. **Значение искусства в истории умственного развития. Статья первая. Психология творческого ума** // Ткачев П.Н. Сочинения. В 2-х т. Т. 1. Общ. ред. А. А. Галактионова, В.Ф. Пустарнакова, Б.М. Шахматова. Вступит. статья В. Ф. Пустарнакова и Б.М. Шахматова. М., «Мысль», 1975. С. 529- 558.
5. Ткачев П.Н. Новые типы забытых людей («Братья Карамазовы». Ром. в 4-х частях с эпилогом, соч. Ф. М. Достоевского) // Ткачев П.Н. Люди будущего и герои мещанства / Вступ. Статья и коммент. С.Б. Михайловой. – М., 1986. С. 285-335.
6. Ткачев П.Н. Очерки из истории рационализма. (1866) // Ткачев П.Н. Сочинения. В 2-х т. Т. 1. Общ. ред. А. А. Галактионова, В.Ф. Пустарнакова, Б.М. Шахматова. Вступит. статья В. Ф. Пустарнакова и Б.М. Шахматова. М., «Мысль», 1975. С. 119-156.
7. Ткачев П.Н. Роль мысли в истории («Опыт истории мысли», т. I, изд. журнала «Знание») // Ткачев П.Н. Сочинения. В 2-х т. Т. 2. Общ. ред. А. А. Галактионова, В. Ф. Пустарнакова, Б. М. Шахматова. Сост., примеч. и библиогр. послесл. Б. М. Шахматова. М., «Мысль», 1976. С. 43-89.
8. Ткачев П.Н. Терроризм как единственное средство нравственного и общественного возрождения России // http://lib10.ru/russian_classic/tkachev_pn/bolnyie_lyudi.13994/?page=1
9. Ткачев П.Н. Утилитарный принцип нравственной философии Статья вторая («La morale anglaise contemporaine. Morale de l'utilite et de revolution, par M. Guyau». Paris, 1879) // Ткачев П.Н. Сочинения. В 2-х т. Т. 2. Общ. ред. А. А. Галактионова, В. Ф. Пустарнакова, Б. М. Шахматова. Сост., примеч. и библиогр. послесл. Б. М. Шахматова. М., «Мысль», 1976. С. 434-513.

A SOCIAL HISTORICAL AND MORAL TYPOLOGY OF MAN IN TKACHEV'S PUBLICISM

V. Y. Merinov
D. V. Svetovoy

*Belgorod State
Research University
e-mail:
merinov@bsu.edu.ru*

The article presents a social historical typology of man in works of Pyotr N. Tkachev, one of the main members of narodnik revolutionary movement in the second half of the XIX-th century.

Keywords: Tkachev, publicism, policy, typology.